

Съемки фильма Контровый свет постепенно входили в правильное русло. Благодаря молчаливой поддержке Сюй Нина и собственному упорству Цзы Юй постепенно избавлялся от первоначальной скованности и напряжения.

Его герой, Чи Юй, в образе которого сочетались хрупкость с упрямством и зависимость со скрытой обидой, становился всё более убедительным.

Режиссер всё чаще хвалил его, а отношение съемочной группы становилось всё более дружелюбным. Атмосфера на площадке, помимо напряженного рабочего ритма, начала наполняться тихим, уютным теплом.

Состояние Цзы Юя заметно улучшилось. Хотя ежемесячные напоминания о долгах, словно дамоклов меч, по-прежнему висели над головой, вызывая тяжелое чувство тревоги, стабильный гонорар и размеренный график съемок давали ему возможность хоть немного перевести дух.

Однако по-настоящему спокойным Цзы Юя делало присутствие Сюй Нина. Сюй Нин был словно ровный и теплый источник света, который постоянно освещал его путь, рассеивая многие страхи, затаившиеся в глубине души.

Наставления Сюй Нина оставались всё такими же точными и лаконичными, без лишних слов. Он всегда умел в самой простой форме указать на ошибки в игре Цзы Юя и дать дельный совет. А когда Цзы Юй хотел пить, Сюй Нин молча протягивал ему бутылку воды; когда холодало, тихо напоминал надеть что-нибудь потеплее. Эти незначительные, казалось бы, мелочи выглядели так естественно и всегда оказывались к месту.

Постепенно Цзы Юй стал замечать, что между ними возникло какое-то необъяснимое взаимопонимание. Достаточно было одного взгляда или едва уловимого жеста, чтобы они угадывали намерения друг друга в игре. Это чувство дарило Цзы Юю ощущение безопасности и причастности, каких он никогда не испытывал прежде.

Сюй Нин вел себя с ним безупречно: не слишком фамильярно, но и не холодно-отстраненно. Он был словно уважаемый старший товарищ и в то же время идеальный партнер, но их отношения никогда не переходили установленную грань.

Цзы Юй был благодарен Сюй Нину за такое отношение, ведь это заставляло его чувствовать, что его уважают и ценят. Однако в глубине души он временами ощущал неясную тоску. Это чувство было сродни блужданию в темноте: ты знаешь, что впереди что-то есть, но никак не можешь до этого дотянуться.

Иногда Цзы Юй случайно ловил на себе взгляд Сюй Нина. Это был особенный взгляд — спокойный, как вода, но, казалось, задерживающийся на нем чуть дольше, чем на других. В нем читалась какая-то трудноразличимая сосредоточенность, от которой невольно возникали вопросы.

Стоило Цзы Юю почувствовать на себе этот взгляд, как сердце начинало непроизвольно колотиться, готовое вырваться из груди. Он тут же опускал голову, делая вид, что полностью поглощен сценарием, чтобы скрыть смущение и тревогу.

Чтобы отпраздновать экватор съемок, группа организовала барбекю под открытым небом. Местом выбрали живописный речной берег рядом с кинобазой. С наступлением темноты затрещали костры, аромат жареного мяса наполнил воздух, а смех, разговоры и звуки гитары создали легкую и оживленную атмосферу.

Нервы, долгое время находившиеся в напряжении, наконец-то расслабились. Цзы Юй на время забыл о грузе долгов. Он сидел в кругу молодых актеров, шутил и делился едой.

После нескольких банок пива его щеки слегка порозовели, а и без того ясные глаза в отблесках костра сияли чистой, давно забытой радостью. Когда он смеялся, уголки глаз изящно изгибались, словно в них рассыпались искры звезд, и весь его облик становился живым, излучая невольное очарование.

Сюй Нин сидел чуть поодаль, беседуя с режиссером и продюсером. Но его взгляд то и дело, будто случайно, скользил к сияющей фигуре юноши у огня.

Он наблюдал, как Цзы Юй дурачится с товарищами, как смешно высовывает язык и жадно пьет воду, подавившись острым перцем, как заливается смехом от чьей-то шутки. Его глаза, обычно полные печали или напряжения, сейчас светились чистым, безоблачным счастьем.

Пальцы Сюй Нина, сжимавшие бокал, бессознательно поглаживали стекло. Пламя костра плясало в его глубоких глазах, отражая мягкость и сосредоточенность, которые он сам в себе не замечал.

Он редко видел Цзы Юя таким беззаботным, сбросившим все доспехи и груз забот, словно настоящий юноша без единой печали. Эта живость, подобно лучу света, проникла в его спокойное сердце, вызвав легкую рябь.

— Учитель Сюй, попробуйте, только что приготовил! — Цзы Юй подошел к нему с тарелкой золотистых куриных крылышек. На его лице еще играла улыбка, а глаза, в которых отражался огонь, смотрели на Сюй Нина с радостью от желания поделиться и едва уловимым ожиданием.

Сюй Нин очнулся от своих мыслей и встретился с этим ясным, как горный ручей, взглядом. Он на мгновение замер, а затем естественно принял тарелку, и уголки его губ тронула едва заметная, но искренняя улыбка:

— Спасибо.

Голос прозвучал мягче, чем обычно.

— Не за что! — Цзы Юй просиял еще ярче, словно ребенок, получивший конфету, и, довольный, побежал обратно к своей компании.

Он не видел, что после того, как он отвернулся, Сюй Нин еще долго смотрел ему вслед, а затем, опустив взгляд на крылышки в руках, глубоко задумался.

Вечеринка набирала обороты, и кто-то предложил поиграть в правду или действие. Молодежь с энтузиазмом подхватила идею.

Поначалу Цзы Юй стеснялся, но, поддавшись общей атмосфере, постепенно втянулся. Прошло несколько раундов, всё шло гладко. Однако, когда бутылочка, вращавшаяся на земле, остановилась и указала прямо на него, раздались одобрителные выкрики.

— Цзы Юй! Выбирай: правда или действие?

Цзы Юй увидел лукавые улыбки друзей и покраснел еще сильнее. Поколебавшись, он ответил:

— Пусть... пусть будет действие.

Он боялся, что правда затронет темы, о которых он не хотел говорить.

Тот, кто вытянул карточку с заданием, радостно зачитал:

— Сделайте с человеком, сидящим через два места от вас справа, челлендж с печеньем! Чтобы засчитали, нужно оставить не больше сантиметра!

Через два места справа... Цзы Юй проследил направление и замер — это была молодая сценаристка с бойким характером, сидевшая рядом с режиссером! Само задание было двусмысленным, а тут еще и на глазах у всей группы...

— У-у-у-у! — гул стал громче. Сценаристка тоже смутилась, но, улыбнувшись, решительно встала.

Цзы Юй оказался в безвыходном положении. Его щеки горели, но пришлось взять тонкую палочку печенья. Он чувствовал, что все смотрят на него, особенно... он ощущал взгляд со стороны Сюй Нина, спокойный, но обладающий невероятной силой притяжения.

Они встали друг напротив друга и осторожно взяли палочку за концы. Расстояние сокращалось, они почти чувствовали дыхание друг друга. Цзы Юй так нервничал, что его ресницы дрожали. Он не смел поднять глаз на девушку, его большие глаза были полны растерянности, как у испуганного олененка. Он отчетливо слышал, как его сердце колотится, словно барабан.

В тот момент, когда их носы почти соприкоснулись, а от печенья остался крошечный кусочек, рука Цзы Юя от волнения дрогнула.

Хрусть!

Палочка сломалась! Оба по инерции подались вперед и едва не столкнулись лбами, что вызвало волну доброго смеха и сочувственные вздохи.

— Ой, чуть-чуть не хватило! Цзы Юй, ты слишком зажат! Давай еще раз!

Цзы Юй был готов провалиться сквозь землю и начал извиняться. Он машинально поднял глаза, ища в толпе Сюй Нина, надеясь найти в нем привычную опору.

Сюй Нин по-прежнему сидел на своем месте с бокалом в руке. На его лице не было никаких эмоций, словно он просто наблюдал за обычной игрой.

Но Цзы Юй остро почувствовал, как пальцы Сюй Нина на мгновение сжали бокал так сильно, что костяшки побелели. Его спокойные глаза в отблесках костра казались бездонными, как ледяной омут. В них на долю секунды мелькнуло что-то, чего нельзя было поймать, но от чего сердце Цзы Юя болезненно сжалось. Странное чувство тревоги и потери внезапно охватило его.

Шум вечеринки начал стихать, люди группами расходились по домам. Цзы Юй шел позади всех, подставляя лицо прохладному ночному ветру, пытаясь унять неловкость от игры и непонятное смятение в душе.

Тот мимолетный взгляд Сюй Нина засел в сердце, как маленькая заноза, вызывая смутную тревогу.

В этот момент в кармане бешено завибрировал телефон. На экране высветился номер, до боли знакомый и вызывающий ужас — компания Шэн Жу Ся Хуа!

Он поспешно отошел в тень у реки, подальше от людей, и ответил.

— Господин Цзы Юй, напоминаем, что крайний срок оплаты в этом месяце — послезавтра! Баланс вашего счета недостаточен! Если вы просрочите платеж, мы примем необходимые меры, включая, но не ограничиваясь, звонки вашим контактными лицам, то есть вашим родителям...

Холодный, официальный голос, полный неприкрытой угрозы, вонзился в нервы Цзы Юя, как отравленное лезвие!

— Я знаю! Я знаю! Я обязательно верну деньги! Пожалуйста, не трогайте моих родителей! Они ничего не знают! — Цзы Юй понизил голос, умоляя с нескрываемой дрожью. Перед глазами тут же встали родители, хлопчущие у своего маленького прилавка в родном городе. Чувство вины и животный ужас нахлынули, как ледяная волна.

— Крайний срок — послезавтра до пяти вечера. В противном случае последствия будут на вашей совести. — Сказав это, собеседник безжалостно повесил трубку.

Ту-ту-ту...

Холодные гудки в ночной тишине звучали особенно пронзительно. Цзы Юй сжимал телефон, чувствуя, как леденеет всё тело. Тепло и легкость вечеринки исчезли без следа, оставив лишь пронизывающий холод и безграничное отчаяние.

Гонорар за этот месяц еще не выплатили! Где ему взять эти десять тысяч? Если коллекторы действительно доберутся до родителей... он боялся даже представить! Огромное давление навалилось, как каменная глыба. Усталость, тревога и страх, копившиеся днями, вырвались наружу!

Прислонившись к холодному стволу дерева, он не удержался и сполз вниз, присев на корточки и спрятав лицо в коленях. Плечи судорожно вздрагивали, из горла вырывались подавленные, сдавленные всхлипы.

Ледяное отчаяние, словно лиана, обвилось сердце, сжимая всё сильнее, почти лишая дыхания. Он чувствовал себя таким ничтожным и беспомощным, что все его усилия перед лицом холодной реальности казались смешными.

Он не заметил, как с неба начал моросить холодный дождь, постепенно пропитывая волосы и тонкую одежду.

Сюй Нин, проводив режиссера до номера, собирался вернуться к себе, но вдруг услышал сдавленный плач. Идя на звук, он вышел к тени деревьев у реки и увидел эту картину:

Холодный свет луны и фонарей, преломляясь в дождевых каплях, вырисовывал сжавшуюся в комок, мелко дрожащую фигуру.

Дождь намочил его волосы, вода стекала по бледной шее. Этот подавленный, отчаянный плач, похожий на скулеж раненого зверька, пробивался сквозь шум дождя, прямо в сердце Сюй Нина.

Сюй Нин резко остановился. Он почти никогда не видел Цзы Юя в таком состоянии. Даже когда режиссер сурово критиковал его на площадке, даже когда он дрожал от холода в дождливую ночь, он всегда стискивал зубы и держался, максимум — краснели глаза.

Юноша, свернувшийся в ночи под дождем, охваченный горем и отчаянием, стал подобен тяжелому молоту, разбившему вдребезги внутренние стены спокойствия Сюй Нина.

Не раздумывая, Сюй Нин сделал широкий шаг вперед, снял куртку и накинул ее на голову и плечи Цзы Юя, защищая от ледяной воды.

Внезапное тепло заставило Цзы Юя замолчать. Он резко поднял голову: мокрые волосы прилипли ко лбу, лицо было залито слезами и дождем.

Его большие, ясные глаза сейчас были красными и опухшими, в них застыла такая мука, страх и беспомощность, что он был похож на разбитую фарфоровую куклу, потерянно и уязвимо глядящую на того, кто внезапно появился рядом.

Увидев, что это Сюй Нин, Цзы Юй испугался еще больше! Он хотел отпрянуть, как напуганный кролик, но Сюй Нин придержал его за плечи. Его хватка была твердой, но нежной, с невысказанным призывом успокоиться.

— Не бойся, — голос Сюй Нина был низким, почти хриплым, но в дождливой ночи он обрел странную силу. Он не стал спрашивать, что случилось, и не произнес ни слова лишнего.

Он просто присел на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с Цзы Юем, и смотрел на него своими глубокими, спокойными глазами. В этом взгляде не было любопытства или упрека — только тяжелая, успокаивающая забота и безмолвное обещание: я здесь.

Ледяные капли дождя падали на плечи Сюй Нина, одетого лишь в тонкую рубашку, но он этого не замечал. Его куртка плотно укутывала Цзы Юя, передавая тепло его тела.

Его ладонь сквозь промокшую ткань крепко сжимала дрожащее плечо Цзы Юя, словно надежная дамба, сдерживающая поток отчаяния.

Цзы Юй оцепенело смотрел на Сюй Нина, на его мокрые волосы, на самого себя, отражающегося в его спокойных глазах.

Этот взгляд был подобен теплоте источника, пролившемуся на замерзшее поле сердца. Огромная обида и страх снова нахлынули, но теперь он не сдерживался.словно ребенок, наконец нашедший опору, он снова заплакал, и слезы смешались с дождем.

В этот раз он не прятал лицо, а смотрел на Сюй Нина широко раскрытыми, полными слез глазами, продолжая беззвучно рыдать. Казалось, этот человек — единственный плот, за который он может ухватиться в холодной и отчаянной ночи.

Сюй Нин не пытался утешить его словами и не отводил взгляда. Он так и сидел перед ним, позволяя дождю мочить себя, закрывая его своим телом и принимая всю его слабость и слезы.

Шум вечеринки казался чем-то из другого мира. Под этой холодной дождевой завесой остались лишь двое, молча прильнувших друг к другу, и безмолвно струящееся, сложное чувство. В глубине глаз Суй Нина что-то растаяло — навсегда и окончательно.

<http://bllate.org/book/19183/1883254>